

Міністерство освіти і науки України
Сумський державний університет
Кафедра мовної підготовки іноземних громадян

Ministry of Education and Science of Ukraine
Sumy State University
Department of Language Training of Foreign Citizens

«Наукова спільнота студентів XXI століття»

**Матеріали II Всеукраїнської науково-практичної студентської
конференції
(16–17 квітня 2019 року, м. Суми)**

**II All-Ukrainian Scientific and Practical Student Conference
«Scientific Community of the Students of the XXI Century»
(Sumy, April 16–17, 2019)**

Суми
Сумський державний університет
2019

4. Ужченко В.Д., Ужченко Д.В. Фразеологія сучасної української мови: навч. посіб. / В.Д. Ужченко, Д.В. Ужченко. – К.: Знання, 2007. – 494 с.
5. Шмулик С. Фразеологічне багатство нашої мови / С. Шмулик // Українська мова та література. – 2001. – Жовт. (№ 40). – С. 6-7.

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОЛОРИТА В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ

*Амирова Альфия, студентка 4-го курса филологического факультета, БрГУ им. А. С. Пушкина», г. Брест
Научный руководитель: Т. М. Лянцевич, к. филол. наук, доцент, г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина*

Хорошо написанные исторические романы
стоят больше курсов истории.
Оноре де Бальзак

Жанр исторического романа неизменно привлекает внимание читателей самых разных поколений и сфер интересов. Погрузиться в мир прошлого нам позволяет лексический уровень языковой ткани художественного произведения, а именно устаревшая лексика, которая наряду с неологизмами входит в пассивный словарный запас лексической системы современного русского языка.

Устаревшие слова – это «слова, вышедшие из активного употребления, но сохранившиеся в пассивном словаре и в

большинстве своём понятные носителям языка. В совокупности устаревшие слова образуют в языке систему устаревшей лексики, структура которой определяется различной степенью её устарелости, различными причинами архаизации и характером использования» [2, с. 540]. По степени устарелости выделяются: а) слова, значение которых непонятно носителям современного языка без соответствующих лексикографических справок (рус. «локы» ‘лужа’, «скора» ‘шкура’); б) слова, понятные носителям языка, но находящиеся в составе пассивного словаря и употребляющиеся с определёнными, прежде всего стилистическими, целями. Многие устаревшие слова сохраняются в устойчивых сочетаниях («ни гласа ни воздыхания»). По происхождению устаревшие слова могут быть а) исконно русскими («оный», «сполох» ‘тревога’), б) старославянскими («град» ‘город’, «вещать», «лобзать»), в) заимствованными из других языков («инфантерия» ‘пехота’).

В зависимости от причин архаизации устаревшие слова делятся на 2 разряда: историзмы и архаизмы. Историзмы – слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначавшихся ими понятий (например, названия старинной одежды: «армяк», «камзол», «кафтан»). Историзмы не имеют синонимов в современном русском литературном языке [2].

Архаизмы – слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами. Выделяются следующие

типа архаизмов: 1) лексические архаизмы, включающие: а) собственно лексические архаизмы – слова, устаревшие целиком как определённые звуковые комплексы («выя», «одесную»); б) лексико-словообразовательные архаизмы, отличающиеся от синонимичного слова современного языка только словообразовательным элементом, чаще всего суффиксом («рыбарь» ‘рыбак’); в) лексико-фонетические архаизмы, отличающиеся от современных вариантов лишь несколькими звуками («пиит» ‘поэт’); 2) второй тип архаизмов – семантические архаизмы – устаревшее значение существующих в активном словаре слов (например, значение ‘зрелище’ у слова «позор», ср. современное значение ‘бесчестье’) [2, с. 541].

Писатели часто обращаются к устаревшим словам как к выразительному средству художественной речи. Перечислим возможные стилистические функции устаревшей лексики, широко востребованные и в исторической прозе. Архаизмы и историзмы могут использоваться 1) для воссоздания исторического колорита эпохи и выступают в моделирующей функции, имитируя язык прошедших лет; 2) в характерологической функции для речевой характеристики персонажа; 3) для создания комического эффекта, иронии, пародии; 4) для придания речи оттенка торжественности, патетической взволнованности [3, с. 37].

Невозможно преуменьшить роль устаревшей лексики и в исторической семейной саге Е. А. Катишонок «Жили-были старик со старухой». Елена Александровна Катишонок известна, как русская

писательница, поэтесса и переводчица, автор четырёх романов и трёх сборников стихов. Она является финалистом литературной премии «Русский Букер» и лауреатом премии «Ясная Поляна». Елена Катишонок родилась в Риге, окончила филологический факультет Латвийского университета. В 1991 году эмигрировала в США, где и живёт до сих пор, преподаёт русский язык, занимается редакторской работой и переводами, пишет стихи и прозу.

Дебютный роман Елены Катишонок «Жили-были старик со старухой» получил положительные отзывы литературных критиков и читателей: «Роман Елены Катишонок – о русских людях и о колесе истории. О том, как складывается и разрушается жизнь человека. О любви и о том, как она проходит. О том, над чем властно и не властно время» [1, с. 121]. Это семейная хроника, в которой выделяется два главных героя, старик со старухой, стоящие во главе семейства казаков-староверов, живущих у самого синего моря в Остзейской губернии. Уже заглавие романа, самая сильная позиция текста, отсылает нас к знаменитой «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. Весь роман наполнен пушкинскими реминисценциями: *«Жили-были старик со старухой у самого синего моря... Синее море было скорее серым и находилось в часе езды: сначала на трамвае, потом на электричке, но они давно там не бывали», «Пряжу старуха не пряла, зато вышивала в молодости немало и с большим искусством», «Было и корыто: его роль выполняла добротная оцинкованная ванна...», «Вот неделя, другая проходит...».* Однако «в

отличие от пушкинской сказки, Катишонок указывает не на то, как важно вовремя остановиться в своих претензиях на счастье, а на судьбы людей, которые немножого хотели – но время, эпоха многого захотели от них» [1, с. 123]. Читатель встречается с Матрёной и Гришей в начале XX века, когда они были ещё совсем молодыми, и проживает вместе с четой Ивановых целую жизнь, полную радостей, невзгод, потрясений, связанных со сменой политических режимов и с кровопролитными войнами. Мы становимся свидетелями по-настоящему важных событий в семействе Ивановых, определяющих их жизненный уклад: рождаются и взрослеют дети, ведётся хозяйство, происходят драматические и трагические повороты в жизни главных персонажей и членов их семьи – словом, все как у людей. И если у многих других авторов было бы скучно читать про то, как герои делят крохотную квартиру, готовят сына к поступлению в институт, торгуются на базаре или навещают заболевшего родственника в больнице, то в романе «Жили-были старик со старухой» именно эти на первый взгляд ничем не примечательные события вызывают искреннее любопытство и интерес, помогая нам по-новому посмотреть на собственную жизнь.

Безусловно, окунуться в атмосферу быта, традиций четырех поколений семьи Ивановых, прочувствовать ход времени помогают следующие семантические группы устаревшей лексики: 1) **меры длины и единицы измерения**: *фунт, аршин* («*Это ж какие деньги были, фунт сметаны три копейки стоил!*»), «*Мать, которую к тому*

времени все в семье, включая мужа, звали мамынькой, умела быть полновластной владычицей в доме, а отец знал свое ремесло, в котором **аршин**, опыт и вдохновенный ум собственных рук заменяли школьную премудрость»);

2) **названия денежных единиц:** *гривенник, полгроша, ассигнации* («Разгладила розовато-зеленые **ассигнации** и еще раз посмотрела на Александра Второго», «Бывало, дашь дворнику **гривенник**, так потом...», «А пришел с пустыми руками, **полгроша** на гостинец не потратил, не говоря про игрушку какую»);

3) **названия предметов исчезнувшего быта, предметов домашнего обихода, видов одежды, еды, напитков и т. п.:** *лучинка, ранец* в значении ‘устар. сумка для ношения при себе вещей, надеваемые посредством помочей на спину’, *бутоньерка, картуз, косоворотка, муфта, ридикюль, саквояж, численник, свивальник* в знач. ‘(устар.) длинная узкая полоса ткани для обвивания младенца поверх пелёнок’, *бакалея, трапеза, снадобье* в значении ‘устар. лекарство, составленное из разных целебных трав и веществ’ («Ирочка шла рядом, спрятав озябшие руки в старенькую материнскую **муфту** и стараясь попасть в такт с его большими шагами», «Через пару дней рядом с диваном, на котором спал старик, она клала аккуратно выглаженную, еще теплую **косоворотку** и белейшую пару нижнего», «Новый **численник**, что висел на кухне, только усугублял путаницу. Документы совсем уж откровенно лгали, поскольку честно указывали старые даты, а

выданы были в новое время новыми казенными людьми, которые понятия не имели о юлианском календаре, да и о григорианском тоже, руководствовались все тем же **численником...**», «Другое дело – лавка с **бакалеей** или мастерская, хоть мебельная, хоть скорняжная...», «В больнице время отсчитывалось не часами, а обходами докторов, процедурами да **трапезами**», «Дай же покой, Христа ради, – проговорила с сердцем, но бесполезное **снадобье** выпила»);

4) названия явлений общественно-политического порядка, членов царской семьи, представителей сословий, названия воинских чинов, должностных и официальных лиц, а также лиц по роду занятий: *барышня, царь, анархист, антихрист, городской, домуправ, мещанин, чиновник, дворяне, ефрейтор, кавалер* в значении ‘мужчина, танцующий в паре с дамой, а также (устар.) занимающий её в обществе, на прогулке, ухаживающий за ней’; *приказчик, сестры милосердия, мешочник* («Видать, смотрел не на тех, а может, сравнивал со статными смуглолицыми казачками, но только варшавскими **барышнями** не пленился», «Максимиыч страстно хотел освободиться от этого морока, забыть навсегда бред и ужас. Со дня на день ждали прихода каких-то **анархистов**», «Из пролетки, пошатываясь, вылез веселый муж и тут же полез в карман, чтобы рассчитаться с **извозчиком** и с **городовым**, который почтительно нес за **пролеткой картуз** счастливого и грешного отца», «Отец, все еще ощущая себя **ростовским мещаниномъ**, сознавал, однако, что

для детей родным стал именно этот город, а не Ростов», «Кран течет в кухне. То ли к **домуправу** идти, то ли Мотю звать», «Дети Ионы должны были, по логике вещей, зваться Ионовичами, однако у вещей одна логика, а у **чиновников** – другая», «При чем тут «нашего круга», «не нашего круга»; что мы за **дворяне** такие?», «...не в том дело, что я, ты, мамаша или... доктор Ранцевич, к слову, не в восторге от этого... кто он там, **ефрейтор**?», «Сколько этих пещер Алладина он прошел, сколько раз **приказчики** распахивали перед ним бархатные футляры, где в атласных потемках дремали ожерелья, браслеты, серьги!», «Пожилые **сестры милосердия** с подписными листами в руках, в развевающихся косынках, все чаще стучались в дома, останавливали прохожих на улице: “Жертвуйте...”»);

5) **названия административных учреждений, учебных и других заведений:** моленная, бакалея, гастроном, трактир, санчасть, ватерклозет, нужник («Она немного похудела от беготни: базар, кладбище, **моленная**, больница», «Дома, где не нужно было щипать лучинку для растопки, где прямо из крана текла по ее желанию горячая вода, не говоря уже о весьма прозаических чудесах за дверью помещения, которое Тоня именовала «маленьким домиком», зять – заграничным словом «**ватерклозет**», а мать по старинке – **нужником**», «Попрощались с немцем по-людски, как и познакомились: в **трактире**»);

б) **устаревшая лексика с качественным значением:** чаровница в значении '(устар.). женск. к чаровник. 2. перен. Чарующий, неотразимо-

привлекательный человек' («Самое удивительное, что никто не обижался: **чаровница** была со всеми **кавалерами** улыбочива и приветливо ровна, как с братьями»), антихрист («Спасибо пускай скажет, что пенью учить не оставили с **антихристами**, прости, Господи, мою душу грешную»);

7) **названия средств передвижения:** пролетка, конка, теплушка («**Из пролетки**, пошатываясь, вылез веселый муж и тут же полез в карман, чтобы рассчитаться с извозчиком и с городовым, который почтительно нес за **пролеткой** картуз счастливого и грешного отца», «Жизнь, как и война, стала для него одним нескончаемым тифом с пугающим бредом из новых странных слов: жмых, **мешочник**, заем, дезертир, пшенка, спекулянты, **теплушка**...»);

8) **устаревшая лексика с абстрактным значением:** бремя, ересь, задор, морок, скудный, тяготы в значении '(устар.). 1. Повинность, обязанность'. 2. устар. и прост. То же, что тяжесть'; **тщета** в значении '(устар.). Бесплезность, безрезультатность; суетность', **финтифанты** в значении '(прост. фам. устар.) 1. Лукавые увертки. 2. Безделушки, вещицы, всякая всячина' («**Пильщики**, посмеиваясь, рассказали, что продают 'фрицу' ненужные обрезки, из которых тот ладит всякие **финтифанты**», «**Максимыч** страстно хотел освободиться от этого **мороча**, забыть навсегда бред и ужас. Со дня на день ждали прихода каких-то анархистов; им с Матреной слышалось: **антихристов**»);

9) **устаревшие глагольные формы:** *нарекать, осердиться, не спросивши, свесивши, приехавши, забравши, расколотивши, привязавши, давши* («**Не спросивши** благословения!..»), «Придя из лавки и развязывая холодный платок, пахнувший ноябрьским ветром, она увидела, что муж все еще спит, **свесивши** голову на откинутый валик дивана», «– Что – «ну». Поженились. Он туда на лошади **приехавши** и домой ее **забравши**», «– Ты смотри там, – значительно наказывала внуку старуха, – дед вчера совсем **расквасивши** был; долго не сидите. Мне к Тоне надо, у ней книжка есть...»).

Таким образом, устаревшая лексика играет значимую роль в создании колорита эпохи, изображения нравов, быта, традиций разных поколений, а также являются важным средством речевой характеристики персонажей в романе Е. А. Катишонок «Жили-были старик со старухой».

Список литературы

1. Кульгавчук, М. В. Узнаваемость правды. О романе Елены Катишонок «Жили-были старик со старухой» / М. В. Кульгавчук // Вопросы литературы. – 2012. – № 3. – С. 120–130.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : БРЭ, 2002. – 709 с.
3. Самотик, Л. Г. Лексика современного русского языка: учебное пособие / Л. Г. Самотик. – Красноярск, 2010. – 496 с.